

P. Saukkonen. Itämerensuomalaisten kielten tulosjainfinitivirakenteiden historiaa. I—II.—Helsinki, 1965, 1966. 275+229 стр. (MSFOu, 137, 140)

Синтаксис финского языка как в описательном, так и в историческом плане продолжает оставаться значительно менее изученным, чем фонетика и морфология. Одной из первых монографий по историческому синтаксису финского языка является рецензируемая книга П. Саукконена «Из истории конструкций с инфинитивами в формах лативных падежей в прибалтийско-финских языках». Цель книги — «проследить историю синтаксического употребления двух инфинитивов, лативной формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива, а попутно также транслативной формы I инфинитива от первоначальных конструкций до современного этапа, обращая внимание на взаимные отношения этих двух инфинитивов» (т. I, стр. 56).

Монография состоит из двух томов, каждый из которых заканчивается заключительным обзором, списком источников и сокращений и рефератом на немецком языке; ко II тому приложен указатель слов, история или употребление которых рассмотрены в обоих томах. Во введении (т. I, стр. 5—58) дается морфологический обзор системы инфинитивных форм современных прибалтийско-финских языков и выявляются пути и этапы ее становления. Подобно инфинитивам индоевропейских языков прибалтийско-финские инфинитивы восходят к застывшим падежным формам определенных отглагольных имен (имен действия). Но в прибалтийско-финских языках этот процесс формирования инфинитивов представлен гораздо нагляднее, чем в индоевропейских языках, так как здесь рядом с инфинитивами часто продолжают существовать отглагольные имена, от которых эти инфинитивы образованы.

Представленные в современных прибалтийско-финских языках многочисленные инфинитивы восходят к падежным формам отглагольных имен с показателями *ta(tä)*, *te*, *ma* (*mä*), *mlnen*, *mainen* (*mäinen*). Привлекая материал родственных языков, П. Саукконен прослеживает *t*-овый и *m*-овый показатели отглагольных имен, участвовавшие в образовании прибалтийско-финских инфинитивов, вплоть до самодийских языков; таким образом, эти показатели имеют уральское происхождение. Генетически связанные с ними инфинитивные формы прибалтийско-финских языков сложились значительно позднее. Самая древняя из них, лативная форма инфинитива с показателем *-ta-*, имеет прямое соответствие в саамском языке и образовалась в период прибалтийско-финско-саамской общности (раннепрафинский период). Инфинитив на *-te-* возник позднее, в пе-

риод прибалтийско-финской общности (прафинский период). При помощи этого показателя были образованы инфинитивы в формах падежей нахождения и отделительных падежей, которые вместе с уже существовавшей лативной формой инфинитива на *-ta-* составили в прафинском языке полный комплект местных падежей *t*-ового инфинитива. Особенно сложным является вопрос о хронологизации инфинитива на *-ma-*, представленного в прибалтийско-финских языках многочисленными падежными формами и имеющего морфологически родственные формы в саамском и мордовском языках. Однако родственные формы саамского языка еще очень близки к именным и не могут быть признаны вполне сложившимися инфинитивами, а *m*-овые инфинитивы мордовского языка столь сильно отличаются от прибалтийско-финских по своему синтаксическому употреблению, что их следует считать результатом самостоятельного параллельного развития. В целом формирование прибалтийско-финского инфинитива на *-ma-* (по крайней мере — его иллативной формы) П. Саукконен относит к прафинскому периоду. Родственные инфинитивы на *-mlnen* и *-mainen* имеют весьма ограниченное употребление и возникли значительно позднее. В некоторых диалектах финского языка имеется также иллативная форма инфинитива с нулевым показателем (центр распространения — емские диалекты).

Наблюдения и выводы, изложенные во введении, основываются на тщательном продуманном материале и представляются убедительными. Однако говоря о процессе превращения падежных форм отглагольных имен в инфинитивы (*infinitivismiprozessi*), автор не упоминает иных объективных критериев этого превращения, кроме «застывания» (*kangistuminen*) падежной формы. Между тем, установление четких критериев, отличающих инфинитивы от отглагольных имен, к которым они восходят, позволило бы с большим основанием судить о степени инфинитивации той или иной формы.

В основной части своей книги, где исследуется происхождение конструкций с двумя самыми древними и самыми распространенными инфинитивами прибалтийско-финских языков — лативной формой *t*-го инфинитива и иллативной формой *m*-го инфинитива, П. Саукконен исходит из того, что лативные формы инфинитивов, как и местнопадежные формы любых существительных, могли выступать в предложении как приглагольные, приемные и независимые.

Так как в подавляющем большинстве случаев инфинитивы употребляются в со-

четании с глаголами, раздел о приглагольном инфинитиве занимает около трех четвертей всей работы (стр. 59—247 I тома и стр. 5—153 II тома). Из множества глаголов, сочетающихся с инфинитивами в латинских падежах, в работе исследуются лишь самые древние, общие для всех или для большинства прибалтийско-финских языков, «так как с их помощью раскрываются общие и первоначальные конструкции» (т. I, стр. 57).

П. Саукконен отказывается от традиционного деления инфинитивов на активные и пассивные, которое он считает нецелесообразным и ошибочным, «так как первоначально инфинитив был индифферентным относительно грамматической активности или пассивности» (т. I, стр. 58). Вместо этого в книге различаются конкретная локальная и более абстрактная финальная функции инфинитивов, имеющих формы вступительных надежд. По определению автора, локальная функция выступает тогда, когда прямое, конкретное движение приводит к локальности действия (*toiminnallinen lokaliteetti*), выраженного инфинитивом: *menen tekeään* «я иду делать» (буквально «я делаю»). О финальной функции можно говорить, если к локальности действия, выраженного инфинитивом, приходит не прямо, благодаря движению, а через некий «разрыв» (фин. *katko*, нем. *Bruch*): *menen, tehäkseni* «я иду, чтобы (с)делать». Предлагаемое П. Саукконеном деление совпадает с традиционным, так как «в характере финальности всегда имеется пассивность действия, а в характере локальности — активность» (т. I, стр. 58).

Установив, что для формирования инфинитивных конструкций решающее значение имела переходность или непереходность основного глагола, П. Саукконен исследует в I томе конструкции с глаголами, переходность или непереходность которых не вызывает сомнений, и формулирует основные правила употребления инфинитивов с переходными и непереходными глаголами. Исходя из того, что субъект основного непереходного глагола и объект основного переходного глагола может быть либо исполнителем, либо объектом действия, выраженного инфинитивом, автор различает четыре типа конструкций с приглагольным инфинитивом.

Первый тип (т. I, стр. 59—111) — конструкции, в которых субъект основного непереходного глагола является исполнителем действия, выраженного инфинитивом. Конструкции с общим субъектом (*samasubjektiset rakenteet*), как называет их П. Саукконен, образуются при сочетании инфинитива с непереходными глаголами движения и с возвратно-транслативными глаголами. Функция инфинитива при таких глаголах локальная. В этой функции обычно выступает

иллативная форма III инфинитива, но иногда употребляется и лативная форма I инфинитива; ср., например, фин., карельск. *mennä maata* «идти спать», фин. диалект. *lähti pudota* «(он) чуть не упал». Эти остаточные факты свидетельствуют о том, что в прошлом, когда лативная форма I инфинитива была единственным инфинитивом, она выполняла все функции инфинитива, в том числе и локальные, из которых была вытеснена лишь с появлением иллативной формы III инфинитива.

Ко второму типу (т. I, стр. 111—179) отнесены конструкции, в которых субъект основного непереходного глагола является логическим объектом действия, выраженного инфинитивом. П. Саукконен называет эти конструкции разнособъектными (*erisubjektiset rakenteet*). Функция инфинитива здесь всегда финальная, и в ней выступает только лативная форма I инфинитива. Исполнитель действия, выраженного инфинитивом, может передаваться с помощью дативного генитива, адессива или аллатива. Например: *Leipä(ä) jää meidän (meille) sydän* «Хлеб(а) остается, (чтобы) нам поесть». Такие конструкции образуются при сочетании инфинитива с глаголами, которые обозначают не активное действие, а лишь существование, наличие и т. п. (*riittää* и *liieta*) «хватать, быть в достаточном количестве», иногда *jääää* «оставаться», *uolottaa* «хватать; простирается» и др.). Подлежащее обычно обозначает неодушевленный предмет, неспособный к активному действию.

Центральное место в этом разделе уделено инфинитивным конструкциям с глаголами *pitää, kelvata, sopia, syntyä* и *tulla*, которые первоначально выступали как личные. В прафинское время эти конструкции были разнособъектными с целевым инфинитивом, например: *työ pitää, kelpaa, sopii (meidän) tehdä* «работа нужна, годится, подходит (для того чтобы) нам (ее) (с)делать». Постепенно субъект основного глагола стал грамматическим объектом действия, выраженного инфинитивом, как в современных *meidän pitää, kelpaa, sopii tehdä työ (työtä)*.

К третьему типу (т. I, стр. 180—208) отнесены конструкции, в которых объект основного переходного глагола является исполнителем действия, выраженного инфинитивом. Как правило, в таких случаях выступает иллативная форма III инфинитива. Не останавливаясь ни на этимологии, ни на семантической классификации, автор отмечает только, что «имеется огромное количество таких переходных глаголов, к которым теоретически можно присоединить иллативную форму III инфинитива» (т. I, стр. 180). При глаголах *antaa* «позволять», *käskää* «сводить», *opastaa* «научать», *neuvoa* «советовать», *laskea* «позволять; допускать»

в той же функции может иногда выступать латвийная форма I инфинитива; эта конструкция имеет остаточный характер и представлена лишь в финских диалектах и в старинных финских памятниках письменности.

Четвертый тип (т. I, стр. 208—236) представлен конструкциями, в которых объект основного переходного глагола является объектом действия, выраженного инфинитивом. Здесь выступает только латвийная форма I инфинитива. Это прежде всего представленная во всех прибалтийско-финских языках конструкция *anna leipää syödä* «дай хлеба поесть». Конструкция типа *anna sen olla* «позволь ему (этому) быть», в которой логический субъект непереходной латвийной формы I инфинитива, выступающей при переходном глаголе, передается не объектом основного глагола, а дативным обстоятельством, возможна только при глаголах *antaa* «позволять», *auttaa* «помогать», *käskää* «велеть», *neuvoa* «советовать» и *sallia* «разрешать». П. Саукконен считает, что конструкция могла возникнуть из типа *anna leipää (minun) syödä* «дай хлеба мне поесть» путем превращения объекта основного глагола в объект инфинитива: *anna minun syödä leipää* «позволь мне поесть хлеба». Но такое объяснение не годится для глаголов *auttaa*, *käskää*, *neuvoa*, которые не могут присоединять к себе неодушевленный объект. На наш взгляд, здесь следовало бы говорить о русском влиянии. В русском языке подобная конструкция с дательным падежом распространена при глаголах *позволять*, *велеть*, *советовать*, *разрешать*; кстати, эти русские глаголы встречаются в приводимых на стр. 220—221 (т. I) примерах из карельского и вепского языков. Случаи употребления при глаголе *kieltää* «запрещать» латвийной формы I инфинитива вместо обычной элативной формы III инфинитива — также результат русского влияния (ср. *я запрещаю ему говорить*). Превращение объекта основного переходного глагола в грамматический объект инфинитива произошло также при глаголах *otaa*, *näen*, *lupaan*, *ajattelen*, *haluan*, *pelkään*, *ymmärrän* «беру», «вижу», «обещаю», «думаю», «желаю», «боюсь», «понимаю».

Логичность избранной схемы исследования приглагольного инфинитива по четырем разобраным типам вряд ли может вызывать возражения. Но эта схема не всегда позволяет провести четкую грань между употреблением инфинитивов в прафинское время и их употреблением в современных прибалтийско-финских языках. В рамках этой схемы конструкции, реально существующие в современных языках, могут оказаться рядом с конструкциями, уже исчезнувшими или подвергшимися переосмыслению. Так, например, при анализе разносубъектных конструкций с финальным инфинитивом

в один ряд ставятся живые, продуктивные конструкции с глаголами *olla*, *riittää*, *jääää* и в прошлом сходные, но затем переосмысленные конструкции с глаголами *pitää*, *täytyy*, *kelppaa*, *soppi* (конструкции, состоящие из этих глаголов и латвийной формы I инфинитива, в современных прибалтийско-финских языках самым автором анализируются как «одночленные»¹ — т. I, стр. 122). Таким образом, глаголы *pitää*, *täytyy*, *kelppaa*, *soppi* и т. п. представлены в схеме в первую очередь такими конструкциями, которые им в настоящее время несвойственны. Многие глаголы (например, *olla*, *pitää*, *kelvata*, *tulla* и др.; *jääää*, *ulottua* и др.) могут участвовать в образовании нескольких инфинитивных конструкций — в схеме же эти глаголы размещены на основании одной, наиболее древней или наиболее характерной конструкции, остальные конструкции рассматриваются лишь попутно. В целом создается впечатление, что схема исследования, основанная на теоретических возможностях образования инфинитивных конструкций, имеет в виду прежде всего некое исходное прафинское состояние, а факты употребления инфинитивов в современных прибалтийско-финских языках привлекаются как доказательство существования этой схемы в прошлом. Автор хотел прежде всего выяснить, «когда и как возникли и получили свое современное употребление оба латвийных инфинитива» (т. I, стр. 268). Систематическое рассмотрение употребления инфинитивов в современных языках в свои задачи он не включал.

Подводя итоги проведенного в I томе исследования (стр. 237—247), П. Саукконен приходит к выводу о том, что в раннепрафинский период существовал только один инфинитив — латвийная форма I инфинитива, который выступал во всех случаях — и тогда, когда субъект основного непереходного и объект основного переходного глагола был исполнителем действия, выраженного инфинитивом, и тогда, когда этот субъект или объект был объектом действия, выраженного инфинитивом. Иллативная форма III инфинитива появилась только в прафинский период и почти целиком вытеснила латвийную форму I инфинитива из тех конструкций, в которых субъект или объект основного глагола был логическим субъектом инфинитива.

Во II томе (стр. 5—153) рассматривается употребление латвийной формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива с глаголами *saada*, *saattaa*, *tahtoa*, *tavoittaa*, *kokea*, *koettaa* и т. п., которые могут выступать либо как непереходные,

¹ Они так названы потому, что употребляются в форме 3-го лица ед. числа. Правильнее было бы называть такие глаголы безличными.

либо как переходные. В зависимости от первоначального значения глаголов, от их переходности или непереходности, от совпадения или несовпадения субъекта инфинитива с субъектом основного глагола инфинитивные конструкции с такими глаголами могли образоваться по правилам, выявленным в I томе. Принимаются во внимание также изменение членения, действие аналогии, возможность контактирования и влияние соседних иносистемных языков.

В разделе о приемном инфинитиве (т. II, стр. 154—185) имеются некоторые спорные положения. Так, инфинитив, выступающий при абстрактном существительном (например, в предложениях типа *minun on pakko mennä* «мне необходимо идти»), автор всегда считает определенным. Эта традиционная точка зрения, унаследованная от Э. Н. Сетяля, представляется сейчас устаревшей. Глаголы *olla* и некоторые абстрактные существительные образуют в таких предложениях нерасчленимую предикативную конструкцию типа *on pakko* «необходимо», *on määrää* «нужно, следует», *on tarkoitus* «нужно», *on aika* «пора», *on velvollisuus* «должно», по значению и синтаксическим свойствам равную безличным глаголам *pidää*, *täytyy*, *tulee*, *sopi*. Инфинитив относится к этой конструкции в целом и вместе с ней образует сложное сказуемое безличного предложения, одним из признаков которого является субъектный генитив.

Независимое употребление инфинитива (т. I, стр. 186—194) для прибалтийско-финских языков нехарактерно. В конструкциях типа *mitä tehdä* «что делать» П. Саукконен справедливо видит влияние русского языка, богатого разнообразными инфинитивными предложениями.

Одним из достоинств рецензируемой книги является то, что при изучении истории инфинитивных конструкций принимаются во внимание не только исконные прибалтийско-финские факторы, но

и влияние соседних иносистемных языков, в том числе — русского. Эта сторона книги тем интереснее, что влияние русского языка на синтаксис финно-угорских языков подробно не изучено², хотя известно, что карельский, вепсский и водский языки испытывали и продолжают испытывать сильное русское влияние, которое в значительной степени распространилось и на восточнофинские диалекты. П. Саукконен справедливо отмечает влияние русского языка на формирование и интенсивность употребления ряда инфинитивных конструкций прибалтийско-финских языков, например: *ei ole mitä syddä* «ничего есть», *työ on tehdä* «работу нужно выполнить», *minua (minulle) halutti sanoa* «мне хотелось сказать», *mitä tehdä* «что делать». Имеются и такие факты русского влияния, которые в книге не отмечены или отмечены недостаточно четко. Так, образование безличной конструкции *ei maksaa (meidän) ostaa* (т. II, стр. 124), имеющей распространение в карельском и вепсском языках и в восточнофинских диалектах, правильнее было бы объяснить влиянием русской конструкции *нам не стоит покупать*, чем влиянием соответствующих немецкой и шведской конструкций. Более определенно можно было бы говорить о влиянии русского языка на развитие конструкции с дативным генитивом типа *anna hänen mennä* «позволь ему уйти». В приводимом русском материале встречаются отдельные неточности (см., например, т. I, стр. 39, 94, 156—158).

В целом книга П. Саукконена является важной вехой в изучении сложного вопроса о происхождении инфинитивных конструкций прибалтийско-финских языков.

² E. I t k o n e n, *Kieli ja sen tutkimus*, Helsinki, 1966, стр. 331.

З. М. Дубровина

«Этнонимы», отв. ред. В. А. Никонов.—М., изд-во «Наука», 1970. 270 стр.

В предисловии к рецензируемому сборнику говорится, что изучение этнонимов важно для различных наук, что этнонимы содержат элементы, ценные как исторические свидетельства, и так далее. Все это верно. Но это еще не объясняет в полной мере ту исключительно большую ценность, которую представляет для исследователей этноса появление работ, подобных рецензируемому сборнику.

Изучение этнонимов — область знания, лежащая на стыке лингвистики и этнографии. Думается, что наше время — это время интенсивных поисков, усиленного освоения этнографией новых мето-

дов, и контакты с лингвистикой здесь особенно плодотворны. Уже начинает давать свои плоды усвоение этнографией структурных методов, первоначально разработанных в языкознании. Делаются плодотворные попытки освоения методов, подобных лексикостатистическим. Что касается этнонимов, то здесь речь идет не о переносе метода, а о синтетическом, этнографо-лингвистическом характере самого исследования.

Самоназвание и название как выражение самосознания или стереотипизированного сознания со стороны есть один из важнейших внешних признаков лю-